

Евгений-Володя

Стремиться и постигать

Окончание главы. Начало в «НЕЛ» № 4/2021

3.

Рельс был мокрым и холодным. Евгений дотянулся до него левой рукой и попробовал подтянуться.

Он изо всех сил гнал от себя желание закурить.

«Я же не начал курить с того дня, там, у Шаман-камня... Побаловался только сигарой... И потом, когда ехали из Москвы, тоже... Мог бы и не начинать...»

4.

На инструктаже в вагонном депо станции Иркутск они узнали, что во время Олимпийских игр Москва будет принимать не все пассажирские поезда и план их поездов корректируется. До начала Олимпиады они поедут, как и полагалось, по маршруту поезда — в Москву, во время же игр, с середины июля и первую неделю августа, «Байкал» пойдёт до Ленинграда, в объезд столицы, а потом снова по расписанию — в Москву.

— У вас, студентов, как и планировалось раньше, получится по четыре поездки, с отдыхом между сменами, — сказал им инструктор депо. — Конкретно на вашу бригаду выпадает три поездки до Москвы и одна до Ленинграда. В июле первая

поездка будет в Москву, потом в Ленинград, а в августе — дважды в столицу. Кто-то из вас был там уже?

— Меня родители Москву и Ленинград показывать возили, — ответил за всех друзей Константин. — У остальных есть счастливая возможность пережить трепетное волнение первого свидания со столицей и городом на Неве.

— Но сильно-то вам разгуливать по столицам не придётся, — предупредил инструктор. — Вы же не отдыхать едете — работать. Надо будет вагоны подготовить к обратной поездке. Но мы учитываем, что вы — студенты и вам всё любопытно, поэтому организуем для вас небольшие экскурсии в первые две поездки. А дальше вы там сами решайте между собой, кто на экскурсии когда пойдёт.

— Да, понимаем, — снова сказал за всех Константин. — Я, как человек, уже бывавший в столицах, могу пожертвовать своими прогулками и остаться драить вагоны...

— Ну, драить будешь палубу на корабле, если в морской флот служишь попадёшь, — улыбнулся ему инструктор. — А у нас достаточно хорошей уборки. Полы помыть, полки протереть, использованное бельё собрать, сложить, новое приготовить. Опытные проводники заранее готовятся в обратный путь, ещё на подъезде к конечной станции. Берите пример с них, и работа вам не покажется тяжёлой.

— Ну что, друзья мои, у нас у всех есть возможность убедиться на собственном опыте, что проводник пассажирского вагона — первейший друг пассажира в пути! — говорил с пафосом Константин, когда они вышли из вагонного депо и шли по мосту через Ангару. — Я знал людей, которые много лет работали проводниками и улучшали своё благосостояние на этом поприще, манипулируя постельным бельём, чаем, продавая жаждущим водку и пиво втридорога. Но мы, честные советские студенты, не будем идти по их дорожке, обирать простых граждан, вымогая у них, пользуясь случаем, последние гроши. Мы — птицы другого полёта. Наши клиенты, как правило, люди уже обеспеченные, желающие немного большего, чем все остальные граждане, а значит, стремящиеся приобрести дефицитные товары во что бы то ни стало и невзирая на его цену.

— Ты нам снова предлагаешь джинсами торговать? — спросил Володя товарища. — Если в поезде попадёмся на продаже товара, то точно больше не поедem никуда и с универа вдобавок вылетим.

— Вова, не смотри на меня такими глазами! Я вам пока предлагаю совершить романтическое путешествие по стране до Москвы, честно выполняя обязанности проводников пассажирских вагонов и, заметь, получая за это заработную плату. Только и всего, — Константин, положил руку на плечо Володи. — А после первой поездки у нас будет время проанализировать, сделать выводы и, возможно, повторяю — возможно, что-то сделать хорошего для определённой категории пассажиров, которые сами, подчёркиваю — сами, стремятся к этому.

5.

Перед поездкой им выдали форменную одежду — курточки с эмблемами студенческого строительного отряда Иркутского госуниверситета и нашивками с названием поезда «Байкал». В день отъезда новых проводников построили на привокзальной площади. Перед ними с напутственными речами выступили начальник Восточно-Сибирской железной дороги, первый секретарь обкома комсомола, а также ректор университета и комсомольской вожак. Освобождённый секретарь комитета комсомола университета, запомнившийся Володе ещё на вступительном собеседовании, тёзка гения русской литературы, Александр Сергеевич, был назначен начальником отряда проводников, а его заместителем — Виктория Львовна из секретариата, тоже знакомая со дня собеседования. По несколько раз в году всем студентам приходилось иметь дело и с Тёзкой Пушкина, и с Викторией-Победительницей, как звали их за глаза учащиеся. Тёзка гения нажимал на спортивную часть и контролировал едва ли не каждого студента на предмет сдачи им нормативов ГТО и участия в спортивной жизни университета. Володя, Константин и Исаак были записаны в секции футбола и лёгкой атлетики, Витя-Перец играл в шахматных и шашечных турнирах. Несколько раз Сергеич лично вывозил студентов по группам в туристические походы, а зимой — на лыжные прогулки. В некоторых из них участие принимала и Виктория Львовна, но больше к ней обращались по вопросам быта. Она также отвечала за коллективные выходы студентов из стен вуза и общежития на культурные мероприятия: в театры, на концерты, в музеи города.

— Ну, Тёзка Пушкина, понятно, должен быть впереди нас на белом коне по должности, — шепнул Володе Константин на построении. — А Победительница-то куда? Кто без неё на экзаменах абитуриентов строить по группам будет?

— Ну, до августа, до начала экзаменов, она с нами успеет дважды прокатиться и до Москвы, и до Питера, — подмигнул другу Володя.

Потом им представили начальника поезда из числа уже опытных проводников и двух его помощников — заместителей по всем вопросам. Вернее, помощника и помощницу. А потом неожиданно стоявший среди толпы провожающих оркестр поднял трубы и заиграл марш «Прощание славянки». Прозвучали команды «Направо!» и «Шагом марш!», и студенты-проводники пошли к ожидающему их поезду.

— Это только нас так торжественно отправляют или всех? — спросил Володя Константина, вышагивая рядом с сияющими Исааком и Витей.

— Они тут две недели так будут провожать всех. В понедельник, тридцатого июня, поехал отряд из педагогического, вчера иняз провожали, сегодня — мы, а потом, насколько знаю, политехнический поедет, за ним ещё кто-то. А когда вернёмся из первой поездки, на эти же составы новые бригады из тех же вузов заступят, и их с наставлениями и музыкой провожать будут.

Состав выставили на первый перрон за час до отправления, а минут за двадцать до начала объявления посадки пассажиров начальник поезда собрал всех проводников и в присутствии своих помощников и представителей университета провёл небольшую планёрку возле штабного вагона.

Штабной вагон, в котором разместилось начальство, имел седьмой номер и находился рядом с вагоном-рестораном. Следующим за ним был купейный вагон номер восемь, куда определили Константина и Витю, а дальше, в плацкартном, девятом по номеру, предстояло работать и ехать до столицы и обратно Володе и Исааку.

Со своими вагонами они познакомились и побывали в них ещё до того, как поезд выставили к перрону. Заступающих на смену проводников собрали утром, по прибытии поезда из Москвы, и познакомили с проводниками депо, передающими им эстафету. Так что, собираясь в путь, заступающие на вахту проводники-студенты уже знали свои рабочие места и были проинформированы предшественниками, на что нужно особо обратить внимание.

— Не забывайте, что вагоны, в которых вы поедете сегодня, закреплены за вами на все четыре поездки. Вы так же будете сдавать их новой смене по возвращении, и так же другая ваша смена будет передавать их вам перед новой поездкой, —

напутствовал начальник поезда молодых проводников. — Ну а ваши руководители, думаю, проследят за тем, чтобы всё было сделано правильно и во время поездки, и при передаче вагонов. Если что-то кому-то будет непонятно и возникнет какая-то непредвиденная ситуация, обращайтесь ко мне или моим помощникам в любое время, будь то день или ночь. Мы поможем.

— У нас с Витей был шанс стать проводниками штабного вагона, — сказал друзьям Константин, когда они расходились по вагонам. — Но я подумал, что лучше подальше надо от начальства быть...

— От начальства подальше, но всё же ближе к ресторану! — улыбнулся Володя.

— Это да! — согласился, улыбаясь, Константин. — Ну и вы недалеко от нас и ресторана, друзья. Будем в гости друг к другу ходить.

6.

Первая в жизни поездка в Москву Володи, равно как Исаака и Вити-Перца, получилась рабочей, но, конечно же, запомнившейся, начиная от торжественных проводов поезда на перроне вокзала.

И через много лет Володя помнил то своё трепетно-возвышенное чувство, с каким он вместе с Исааком стоял у вагона номер девять пассажирского поезда «Байкал» и проверял билеты у входивших в вагон пассажиров. Они смело, как опытные проводники, отвечали на вопросы пожилых семейных пар, уточнявших, в каком часу по московскому времени поезд прибудет в столицу; помогали молодым мамам с детьми подняться на подножки вагонов, поочерёдно затаскивая их тяжёлые сумки; улыбались и приветливо кивали всем отъезжающим и провожающим, подходившим к их вагону.

То же самое делали у соседнего вагона Константин с Виктором. Почти до самого отправления, попарно прогуливаясь вдоль состава, ходили Тёзка Пушкина с Викторией-Победительницей и помощники начальника поезда. Они кивали проводникам, не отрывая их от работы, иногда останавливаясь и спрашивая, как идут дела.

Работа не показалась им тяжёлой. Володе, Исааку, и Вите-Перцу было всё интересно. Они ехали по стране туда, где ещё не бывали, мимо больших городов, шумных вокзалов, через реки, тайгу и горы. Новые впечатления, новые люди, новое занятие,

новая обстановка, предвкушение увидеть Москву и побывать в Ленинграде придавали новые силы. И даже, казалось, уже везде бывавший и многое видевший Константин тоже был подвержен всеобщей эйфории, постоянно смеялся, шутил, подбадривал. Утром, раза два днём и под вечер проходили по вагонам помощники начальника поезда и Сергеич с Викторией. Иногда попарно, иногда все вместе. Несколько раз за поездку делал «инспекторский» проход и сам начальник поезда. Один раз в сутки, по утрам, начальник собирал проводников и старших на планёрку, объяснял, какие станции они будут проезжать в течение предстоящих суток и на что нужно обращать более пристальное внимание. Володя дважды был на такой планёрке, и два раза Исаак. Дважды Володя дежурил днём и два раза ночью. Главное, как быстро усвоили на практике новые проводники, нужно было всегда следить за бачком с кипятком — титаном — для бесперебойного обеспечения пассажиров чаем, вовремя делать влажную уборку в вагоне и туалете, не мешкая открывать двери вагона на небольших станциях, где поезд стоит одну-две минуты, и, если пассажиры не успевают за это время произвести посадку, подать сигнал машинисту флажком или фонарём, если остановка случается в ночное время.

Всё это друзья делали вовремя и с желанием. Один раз, правда, ночью Володя проснулся и увидел спящего за столом в купе проводников Исаака. В проходе возле дверей стояли двое пассажиров, готовящихся на выход. Володя понял, что приближается станция из разряда небольших, будить друга не стал, быстро накинул на себя курточку, взял флажок и вышел в тамбур. Пока пассажиры выходили, пока Володя открывал и закрывал двери, Исаак проснулся, выскочил в тамбур и, увидев Володю за работой, стал извиняться. Володя дружелюбно подмигнул напарнику, похлопал его по плечу и предложил вместе попить чаю.

Днём, когда было свободное время, Володя с удовольствием смотрел в окно.

Тайшетград они проехали утром следующего дня после выезда из Иркутска. Трепетно билось сердце Володи, когда поезд шёл мимо шпалопропиточного завода с видневшимися из-за забора штабелями пропитанных и ещё ждущих пропитки креозотом шпал, мимо виднеющихся вдалеке домов-пятиэтажек, в одном из которых жили его мать и сестра. Он помахал уплывающим за окно домам, железнодорожному тоннелю, разделяющему длинную улицу на две — имени поэта Пушкина и полководца Суворова,

улице Транспортной, железнодорожному саду и зданию вокзала, у которого «Байкал» остановился на пять минут. Володя смотрел на вокзал родного города, на снующих по перрону и возле вагонов людей, но не увидел и не встретил ни одного знакомого.

Зато, когда поезд набирал ход и приближался к западному переезду, он заметил знакомого мужика, который уже много лет подметал и очищал от снега виадук. Чуть сторбившись, мужик шёл навстречу поезду и нёс на плече метлу и лопату. Не поднимая глаз на поезд, он придерживал правой рукой черенки. Володя мысленно помахал и ему, и дежурившей на переезде женщине, что стояла с флажком на крыльце будки, и жителям дома, расположившегося внизу откоса, совсем близко к железной дороге. Жителей он не видел, но подумал, что кто-то, наверное, всё-таки смотрит в окно, провожая поезд. И ещё одного знакомого он увидел на подъезде к станции Бирюсинка. Пожилой обходчик пути, его бывший сосед по дому на Северо-Вокзальной улице, стоял на обочине, провожая пассажирский поезд. В порыве восторга Володя поднял вверх сразу две руки, но не был уверен, что бывший сосед заметил и узнал его. А поезд промчался по станции Бирюсинка, где три бойких девчонки, видимо старшеклассницы, стоя под откосом недалеко от моста, махали проезжающим мимо пассажирам. Увидев в окне Володю, они обрадовались. Одна из них даже подпрыгнула и замахала живее. Володя, сцепив обе руки, поприветствовал девчонок. Поезд на большой скорости влетел на мост, пересёк речку Бирюсу, буквально ворвался в Городок на Бирюсе и, промчавшись мимо домов и людей, устремился дальше, через поля и леса, к другим, ещё не виданным Володей городам и маленьким станциям.

Из первой своей дальней поездки Володя запомнил названия больших рек и городов, мосты и вокзалы. Енисей и Красноярск, Обь и Новосибирск, Омск и Иртыш. А ещё запомнилась широкая река Кама и вокзалы уральских городов Пермь и Свердловск.

На станции Кунгур в вагон сел бойкий мужичок с большим чемоданом. Кое-как пристроив и закрепив свой чемодан на верхней полке, он потребовал от дежурившего Володи «чаю покрепче и послаще». Когда Володя раскалывал в тамбуре полешки, чтобы подбросить их в топку водяного котла, мужичок подошёл к нему и, улыбнувшись, сказал:

— Вот Расея, всё никак без топора обойтись не может. Я на Западе был недавно, так там никто воду в вагонах с помощью дров давно уже не кипятит. Всё на электричестве работает.

Автоматически вода поступает в котёл, и подогрев до нужной температуры идёт. Всё почти без участия человека. А у нас — коли-руби. Пока чаю дождёшься, замёрзнешь.

— Да и у нас уже вагоны с таким оборудованием есть. Правда, на международных направлениях пока только, — сказал проходивший мимо и услышавший рассуждения пассажира начальник поезда.

— Да, есть уж... — усмехнулся мужичок. — Отходы туалетные по всем магистралям страны на рельсы только и летят с вагонных унитазов. А вот на Западе туалеты со специальным раствором, убивающие запахи. Я интересовался: все отходы в контейнеры собираются, а контейнеры меняют на конечных станциях. Как в самолётах. И на стоянках туалеты на целый час никто не закрывает.

— У нас тоже в этом направлении работа ведётся. Пока тоже на международных маршрутах новинки внедряются, — настойчиво убеждал пассажира начальник поезда. — Но наша страна большая. Это не Голландия с Бельгией и даже не Англия с Францией. И поезд — не самолёт. Он бывает неделю в пути. У нас огромные просторы, и в поездах внутренних маршрутов сложно пока делать замены контейнеров с отходами и очень затратно. Но я уверен: решение найдут. И у нас будет электроотопление в вагонах и электроподогрев котлов с водой, и туалеты перестанут закрывать на стоянках.

— Будет... Лет через пятьдесят! — махнул рукой пассажир и пошёл на своё место.

Когда он выпил чаю и подобрел, то, рассчитываясь с Володиёй, вдруг спросил:

— А ты, молодой человек, знаешь, с какого я особенного города еду в столицу?

— Ну, вы вроде на станции Кунгур сели...

— Да, в Кунгуре. А чем знаменит Кунгур, знаешь?

Володя пожал плечами.

— Кунгур — столица российской игрушки! А я самым непосредственным образом причастен к этому. Я делаю игрушки! Работаю старшим мастером на заводе художественных изделий. Ты извини, что я тебе тут Запад расхваливал. Был там недавно в командировке. В выставке участвовали мы. Всё ещё под впечатлением от увиденного нахожусь. Там, конечно, много хорошего и цивилизация быстро развивается, но зато у них такого размаха, такой души нет! Всё у них вроде бы и красиво,

но как-то без души. И игрушки их какие-то бездушные. Автоматы больше. Стреляют, стрекочут, бегут... А вот остановиться, приглядеться, полюбоваться, отдохнуть душой... этого нет. Ладно, парень, спасибо тебе за чай. Не буду тебя больше отвлекать. У тебя и без меня дел хватает.

Володя согласно кивнул. Ему хотелось поговорить с этим человеком, послушать рассказ о кунгурских игрушках, посмотреть на творение рук мастера. Но ему действительно было некогда: нужно было разносить чай пассажирам, убирать вагон, менять постельное бельё.

Чем ближе приближался поезд к столице, тем больше становилось работы у проводников. Володя заметил, что новые пассажиры совсем не похожи на привычных ему сибиряков. Они более привередливы, более холодны в общении. Впечатления первых дней поездки, восторг от увиденного постепенно притупились и сменились рутинной работой. Всё меньше оставалось времени проводникам смотреть в окно и восторгаться увиденным. В памяти запечатлелись необычные названия станций: Буй, Данилов, остановка в Ярославле.

7.

Ещё на подъезде к столице по радио объявили, что поезд прибывает на конечную станцию — в город-герой Москва. Въезжая в город, поезд сбавил ход. Володя с Исааком с восторгом, не веря происходящему, то и дело выглядывали в окна, надеясь увидеть что-то знакомое, виденное ими на картинках, по телевизору или в кино.

— Смотри! — вдруг крикнул Исаак, и сердце Володя замерло: за окном вагона в нескольких метрах от них промелькнула Останкинская телебашня.

— Мы в Москве! — не стесняясь пассажиров, выкрикнул Исаак и бросился обнимать товарища.

На Ярославский вокзал «Байкал» втянулся после пятнадцати часов. Когда последние пассажиры, попрощавшись, покинули вагоны, по составу прошла помощница начальника поезда, сообщая проводникам, чтобы они все шли в вагон-ресторан.

Володя закрыл на ключ купе проводников и входную дверь вагона и окликнул Исаака.

— А что в вагоне-ресторане делать? — спросил его Исаак. — Неужто отмечать приезд в Москву будем?

— Да скорее всего опять инструктаж какой-то будет начальник поезда проводить, — сделал предположение Володя, оценив улыбкой шутку напарника.

Действительно, в вагоне-ресторане состоялось собрание всей поездной бригады проводников, на которой начальник поезда сообщил, что принято решение: организовать коллективный выезд в город всех проводников-студентов.

— Поскольку в обратный путь до Иркутска «Байкал» отбывает поздно вечером, вы все, в сопровождении ваших старших товарищей, — сказал начальник, кивнув на Тёзку Пушкина и Викторину-Победительницу, — отправляетесь на метро в город на три-четыре часа. А после, возвратившись, усиленно готовите свои рабочие места к новой поездке и приёму пассажиров. Думаю, так будет правильно и никому не обидно.

Проводники-студенты приняли это известие одобрительными возгласами и громкими аплодисментами.

— Друзья мои! — обратился ко всем комсомольский вожак. — Мы с Викторией Львовной разработали маршрут нашей экскурсии по столице. Сейчас все дружно спускаемся в метро, бросив в автомат по пять копеек. У всех есть пятикопеечные монеты? Если нет, не расстраивайтесь. В метро стоят разменные аппараты и разменяют вам на пяточки и десяти-, и пятнадцати-, и двадцатикопеечные монеты. Спускаемся вниз все вместе по лестнице-чудеснице, то есть эскалатору, и едем до станции «Проспект Маркса». Выходим там у гостиницы «Москва». По проспекту Маркса идём мимо здания Госплана, мимо Дома Союзов к Большому и Малому театрам. Смотрим на театры со стороны. Возле памятника Карлу Марксу поворачиваем к музею имени Владимира Ильича Ленина, проходим к Историческому музею. В Александровский парк и к Вечному огню мы, наверное, не попадём. В это время там всегда много народу и оттуда тянется очередь к Мавзолею Ленина. Постараемся пройти на Красную площадь, посмотреть хоть издали на Мавзолей. Если пройти со стороны здания Исторического музея не получится, тогда пройдем через ГУМ и выйдем к памятнику Минину и Пожарскому и храму Василия Блаженного. У кого есть фотоаппараты, можно будет сфотографироваться с товарищами на Красной площади. Но задерживаться там не будем, пройдем по Васильевскому спуску к мосту через Москва-реку в Замоскворечье и пойдём к Третьяковской галере. Виктория Львовна знает все пути-дороги от Кремля до Третьяковки и нас проведёт кратчайшим путём. Если всё сделаем организованно, не будем

отвлекаться, отставать и теряться, то успеем часок-полтора походить по Третьяковке, посмотреть на картины великих художников. Сразу хочу предупредить всех: никаких походов и отлучек по магазинам не будет. Будем проходить сувенирные лавки, можете купить себе и своим что-то на память о Москве. А ГУМ, ЦУМ, «Детский мир» оставите на потом, когда в другой раз приедете и, если время будет, сходите. Всё понятно?

— Понятно! — в несколько голосов ответили студенты и пошли по своим вагонам собираться на экскурсию.

Минут через двадцать после собрания группа студентов-проводников численностью более тридцати человек выстроилась возле штабного вагона.

— Все собрались? — спросил Александр Сергеевич и, получив ответ, что все, сказал Победительнице: — Виктория Львовна, ведите нас.

— Пойдёмте, — улыбнулась Виктория-Победительница, встав во главе колонны, рядом с Тёзкой Пушкина.

— Видите впереди крыши, похожие на гребешки петушков? Это здание Ярославского вокзала, — громко пояснял на ходу комсомольский лидер университета. — Недалеко от него, на Комсомольской площади, или площади Трёх вокзалов, как называют это место сами москвичи, находится Ленинградский вокзал, а между ними — станция метро «Комсомольская», куда мы и идём все.

Возле входа в метро Виктория Львовна остановила колонну и показала на противоположную сторону:

— А вот и здание Казанского вокзала. Всем понятно теперь, почему площадь Трёх вокзалов называют? А правее, за железнодорожным мостом, вы видите высокое здание со шпилем. Это одна из семи сталинских высоток, которые строили к восьмисотлетию Москвы. Это гостиница «Ленинградская».

— А раньше Казанский вокзал назывался Рязанским, — сказал Константин, стоявший рядом с Викторией.

— Да, он назывался когда-то Рязанским. Но переименование названий — это отдельная история, и сейчас мы её касаться не будем, — ответила, глядя на него, Виктория. — У нас не так много времени, поэтому поспешим в метро.

— Поспешим, — согласился с ней Константин.

В вестибюле метро несколько экскурсантов сразу направились к разменным аппаратам.

— Друзья! Забыл предупредить: аппараты не принимают юбилейные монеты тысяча девятьсот шестьдесят седьмого

года! — крикнул им вслед Сергеич. — Только образца тысяча девятьсот шестьдесят первого года!

— Пошли разменяем, — Исаак протянул Володе пятнадцать копеек.

— Да у меня есть пятаки, и на тебя хватит, — Володя сунул руку в карман куртки.

— Ну и что, что есть? — подмигнул Исаак. — У меня тоже есть. Интересно же ведь бросить в аппарат одну монету, а получить три или четыре...

Исаак сиял от полученного удовольствия, когда, бросив в аппарат двадцать копеек, забрал из него четыре пятака.

Володя с волнением опустил в щёлочку с отметкой «15» полученную от Исаака монету и после того, как вниз со звоном упали три пятака, тоже с нескрываемым удовлетворением забрал их.

Турникеты проходили кто с опаской, осторожно, кто весело, но торопясь на зелёный огонёк. На подходе к эскалатору Сергеич выстроил всех в колонну по одному и наказал придерживаться правой стороны, давая возможность спешившим людям проходить мимо без препятствий.

А спешивших было немало, они быстро пробежали вниз по движущейся лестнице или шли степенно, искоса поглядывая на выстроившихся справа от них студентов.

«И куда они торопятся-спешат? — задавал себе вопрос Володя, провожая торопящихся взглядом. — Ведь лестница-чудесница сама везёт всех. Зачем ещё идти?»

Перед посадкой в вагоны Сергеич снова провёл инструктаж.

— Мы все в один вагон навряд ли войдём, — сказал он столпившимся передним студентам. — Поэтому разбиваемся на три группы. В одной старший я, во второй — Виктория Львовна, а в третьей будешь ты, Выборов, поскольку в Москве не новичок. Понятно?

— Так точно! — засмеялся довольно Константин и начал притягивать к себе Володю, Исаака, Витю-Перца и ещё нескольких стоящих рядом с ним студентов. — Вот эти десять-двенадцать человек со мной. Занимаем последний вагон и выходим на станции «Проспект Маркса». Правильно, Александр Сергеевич?

— Правильно, Константин! — довольно сказал комсомольский лидер. — Все выходим на «Проспекте Маркса». В вагоне объявляют громко все остановки. А там все снова собираемся и поднимаемся вверх по эскалатору.

— Моя группа — за мной! Электричка прибывает! — командовал громко и весело Константин и пошёл по платформе навстречу прибывающему поезду.

Несколько парней и девушек вместе с Володей, Исааком и Витей-Перцем пошли за ним.

— В вагоне три двери. Чтобы не толпиться, сосредотачиваемся вдоль всего вагона и входим в ту, которая ближе к вам. Девушки занимают свободные места, юноши — по обстоятельствам, — напутствовал перед посадкой в вагон Константин следовавших за ним студентов.

Он первым вошёл в средние двери вагона остановившейся электрички и занял место у противоположной двери. Проследив за тем, чтобы вся группа вошла в вагон, он одобрительно кивнул и позвал к себе приятелей.

— Я обычно вот тут всегда место занимаю. Никому не мешаешь здесь. Двери в большинстве своём открываются с одной стороны. Редко где станции на другую сторону выходят. А ехать нам недолго — три остановки, на четвёртой выходим. Минут десять, от силы пятнадцать.

— Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — «Лермонтовская»! — объявили по вагону.

Дверь закрылась, и поезд, как показалось Володе, со звуком, похожим на старт космического корабля, набрал обороты и ринулся вперёд. Через несколько секунд он нырнул в тоннель, освещённый светом электрических лампочек.

— М-мы едем или л-летим? — спросил покрасневший Витя-Перец.

— Летим, Витяня, на свидание с Красной площадью! — торжественно сказал Константин, похлопав приятеля по плечу. — Достопримечательности столицы ждут нас!

Мелькание лампочек и гудение «реактивного двигателя» вскоре сменилось на протяжный свист, и поезд выехал на станцию «Лермонтовская». Двери открылись, выходящий поток пассажиров сменил поток входящих.

— Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — «Кировская»! — снова объявили по вагону.

Двигатели загудели, и электричка, рванувшись с места, снова вошла в тоннель.

Большинство из пассажиров, едва войдя в вагон и усевшись на скамеечки, сразу же доставало из сумок и карманов

газеты и книжки и, не обращая внимания на сидевших и стоявших рядом людей, принималось за чтение.

— СССР — самая читающая страна в мире! — прокомментировал, глядя на пассажиров, Константин. — А Москва — самый читающий город в СССР!

После «Кировской» электричка остановилась на станции «Дзержинская».

— Следующая — наша, будем готовиться на выход, — сказал Константин, когда отъехали от «Дзержинской», и подал сигнал сидящим и стоящим студентам, чтобы они двигались к выходу.

8.

— Ну что, все вышли из светлого подземелья на свет дневной? — спросил Сергеич, когда студенты-проводники выстроились возле подземного перехода.

— Все, — ответил Константин, стоящий ближе всех к комсомольскому вожаку.

— Ну, тогда обратите внимание: прямо перед нами Исторический музей, а за ним Красная площадь, — показал рукой в сторону красного здания Сергеич. — Но мы пока туда не пойдём. Сейчас мы стоим возле знаменитой гостиницы «Москва». Это здание слева от нас. Из окон верхних этажей гостиницы проживающие здесь счастливики могут видеть Красную площадь, Спасские ворота Кремля и храм Василия Блаженного, если говорить по-простонародному, или собор Покрова Пресвятой Богородицы — на языке служителей Русской православной церкви. Мы увидим и этот храм, когда будем на площади. А вот сзади нас, через улицу, с левой стороны улицы Горького, здание другой гостиницы — «Националь», а справа — Госплан СССР. Мы сейчас дружно, не отставая, пройдем мимо гостиницы «Москва» и Госплана и увидим ещё кое-что интересное. Виктория Львовна у нас сегодня в роли экскурсовода, она пойдёт впереди и будет нам рассказывать.

— Хорошо, — улыбнулась Виктория-Победительница. — Спасибо за доверие, Александр Сергеевич. Поскольку у нас не так много времени на экскурсии и нужно ещё дойти до Третьяковской галереи, я не буду вдаваться в исторические подробности, а просто буду комментировать. Естественно, то, что знаю. Договорились?

— Договорились, Виктория Львовна, — снова ответил за всех стоящий теперь рядом с Викторией Константин.

— Ну, тогда пошли.

Володя, Исаак и Витя-Перец, стараясь не отставать от Константина, шли следом за Победительницей.

Надо отдать должное Виктории Львовне: она говорила со знанием дела. Не вдаваясь в подробности, она, обращая внимание на Дом Союзов, рассказала студентам, что до революции здесь располагалось Благородное собрание дворянского общества, что в здании есть Колонный зал, в котором прощались с Лениным и Сталиным после смерти вождей, и что в настоящее время Колонный зал часто служит местом проведения концертов, которые транслируют по Центральному телевидению.

Многие студенты одобрительно закивали, слушая рассказ своего экскурсовода. Им приходилось видеть по телевизору трансляции из Колонного зала Дома Союзов.

Восклицания раздались в толпе, когда перед экскурсией открылся Большой театр.

— Над фасадом театра — скульптура древнегреческого бога Аполлона, покровителя искусства. Он управляет четвёркой лошадей, или, как её называют в литературе, квадригой, — поясняла Виктория. — А справа — Малый драматический театр; чуть дальше, если идти к площади Дзержинского, расположен знаменитый «Детский мир». Но вы посмотрите направо. Это красивое здание — ещё одна гостиница. Называется «Метрополь». После революции некоторое время здесь, после переезда из Петрограда в Москву, располагалось Советское правительство. И здесь в ноябре тысяча девятьсот двадцать пятого года, в зале ресторана, состоялся первый Московский международный шахматный турнир с участием тогдашнего чемпиона мира кубинца Капабланки, экс-чемпиона Ласкера из Германии и других известных шахматистов того времени.

Рассказывающая всё это Виктория Львовна в глазах Володи и раскрывшего рот Исаака превращалась действительно в Победительницу. Скорее всего, и Витя-Перец, и многие другие студенты проникались к ней всё большей и большей симпатией.

Слушал её внимательно и Константин. Хотя было видно, что он немного нервничает и посматривает на часы. Однако это не помешало ему запечатлеть друзей на фоне Большого театра, щёлкнув несколько раз затвором фотоаппарата, а потом попросить Александра Сергеевича сфотографировать его с Викторией Львовной. Едва Сергеич успел нажать на спуск

фотоаппарата, как рядом с Викторией и Константином выстроились почти все студенты. Получилась групповая фотография.

Как и было обговорено ранее, от памятника Карлу Марксу экскурсия вышла на площадь Революции, к зданию музея В. И. Ленина.

По пути к музею студенты-проводники пошли мимо торговых палаток с сувенирами: матрёшками, ложками и шка-тулками с рисунками Кремля и олимпийского медведя. Олимпийская тема была отображена на авторучках, летних кепках, футболках, пакетах из плотной бумаги.

— Семь минут вам всем на приобретение сувениров — и идём дальше, — заметив возрастающее любопытство студентов к торговым точкам, разрешил Александр Сергеевич. — Всех ждём недолго возле музея.

Володя купил футболку с олимпийским мишкой для сестры и большой, расписанный узорами платок для матери. Витя-Перец последовал его примеру, пояснив, что футболку он покупает отцу, а платок — матери. Для братьев, их жён и племянников Виктор купил несколько сувенирных олимпийских значков. Исаак тоже не стал ломать голову и купил две футболки, платок и несколько авторучек.

— Футболки отцу и брату увезу, платок — матери, а авторучки — друзьям, — пояснил он.

Глядя на приобретения приятелей, Константин молча развёл руками. Однако у палатки, где продавали сладости — конфеты в коробках, сувенирные пряники, мармелад и шоколад, он не удержался и купил две коробки конфет.

Пока друзья разглядывали лежащие перед ними разного сорта и размера коробки со сладостями, к ним подошёл небольшого роста длинноволосый парень в тёмных очках и джинсовой куртке.

— Есть магнитофонные записи Высоцкого, Аркаши Северного, Бориса Рубашкина, — предложил он вполголоса.

— Ну, Высоцкого я в кино видел и песни его знаю, Северного тоже приходилось слышать, а кто такой Борис Рубашкин? — спросил Константин, поглядывая то на парня, то на его небольшую сумочку в правой руке.

— Из эмигрантов. Русский, но родился ещё до войны то ли в Болгарии, то ли в Югославии. Сейчас живёт в Австрии. Поёт русские романсы и дворовые песни, а вообще оперный

певец, говорят. У него акцент, но песни забавно по-русски получаются. Задорные. Особенно «Казачок», — ответил длинноволосый, глядя уже только на Константина.

— «Казачка» я слышал. Если только это он исполняет, то точно — здорово! — подогрел интерес парня Константин.

Тот оживился:

— Ну, что, берёшь?

— А что просишь за кассету?

— Любая кассета по червонцу,

— А по пятнадцать отдашь?

— В смысле? — было видно, что парень опешил от неожиданного вопроса. Он даже снял свои тёмные очки.

— В том смысле, что ты просишь по десятке за одну кассету, а я предлагаю тебе по пятнадцать, — Константин невозмутимо смотрел на продавца кассет.

— За одну штуку?

— Ну да...

— Это что, шутка у тебя такая? — длинноволосый снова надел очки.

— Да, у нас в Сибири такие шутки. До Москвы они ещё не дошли, — подмигнул товарищам Константин. — А если серьёзно, давай три кассеты за четвертной. И Высоцкого возьмём, и Северного, и Рубашкина. «Казачок» его на кассете есть? Нам с друзьями почти четверо суток в поезде ехать. Будем слушать.

— «Казачок» на кассете есть, — кивнул продавец, явно соглашаясь на предложение покупателя. — Пойдём за ларёк. Прослушивать будешь? У меня небольшой магнитофон с собой. С наушниками...

— Прослушивать не буду, у меня времени в обрез. Я думаю, что тебе смысла нет обманывать нас.

— Да понятное дело! — уже восторженно и громко воскликнул парень. — Я тут почти каждый день бываю. Меня уже и милиция местная знает. Я же не валютой торгую и не джинсами импортными.

— Да понятно, что не валютой, — обняв, словно приятеля, нового знакомого за плечо и увлекая его за палатку, сказал Константин. — Хотя тоже спекуляцией это называется. Цена красная твоей кассете — рубль, от силы полтора...

Сделав несколько шагов, длинноволосый остановился и, повернувшись к Константину, спросил:

— Я надеюсь, ты всё же не следователь из Сибири?

— Нет, я не следователь, я историк из Сибири. Второй год могилу Чингисхана там ищу, — засмеялся Константин, ещё крепче прижимая продавца кассет к себе.

— Приятно иметь дело с людьми, знающими, где искать следы Чингисхана! — уже весело сказал парень.

Чтобы купить понравившиеся сувениры и собраться возле музея В. И. Ленина, студентам понадобилось около получаса.

— Ну, вы сами у себя воруете время, — недовольно проворчал Сергеич, когда все собрались возле него и Виктории. — Придётся нам скакать «галопом по Европам». Виктория Львовна теперь будет рассказывать вам обо всём предельно кратко и на ходу, без остановок. А я пойду вперёд — узнаю, пройдем ли мы к храму Василия Блаженного и Спасской башне Кремля через Красную площадь.

Рассказ Виктории Львовны о музее В. И. Ленина и Историческом музее Володя слушал невнимательно. Чуть отстав от друзей, он шёл в середине группы проводников и думал о том, как приедет в Тайшетград и привезёт подарки матери и сестре, расскажет им о поездке в Москву.

9.

За Историческим музеем экскурсанты увидели большую, медленно продвигающуюся очередь, тянущуюся вдоль Кремлёвской стены из Александровского сада и поворачивающую к Красной площади. Очередь и остальных людей, оказавшихся в этот час возле Александровского сада и Красной площади, разделяло невысокое металлическое, по всей видимости, разборное, ограждение и прогуливающиеся вдоль него милиционеры, находящиеся в двадцати-тридцати метрах друг от друга.

— Это к Мавзолею Ленина люди идут, — пояснил подошедший к экскурсантам Александр Сергеевич. — Мы туда сегодня не попадём, как и не пойдём в ГУМ, что будет слева по ходу нашего движения. Посмотрим на Мавзолей со стороны и пройдем к храму Василия Блаженного и Спасской башне. Так вот, друзья мои, я знаю, что многие из вас впервые в столице нашей Родины и, в частности, в её сердце — на Красной площади. Так давайте ещё потеряем немного времени, но запечатаем момент нашего пребывания здесь на фотографиях. Здесь работают очень профессиональные фотографы, которые быстро делают цветные фотографии и доставляют их прямо к поезду. Я никого не неволю, но прошу всех сфотографироваться.

Я сам рассчитаюсь с фотографом, а когда поедем, всем раздам фотографии. Кому они будут нужны, можете выкупить за один рубль. А кому не нужны, то можно и не выкупать. Я найду применение всем фотографиям. Договорились?

— Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! Подождите! — не дав никому ответить, закричал Константин и, подойдя к руководителю, сказал: — Вы меня обижаете. У меня фотоаппарат заряжен цветной импортной фотоплёнкой, и проявку и фотографии мне сделают не хуже московских фотографов. И я каждому здесь присутствующему подарю потом по фотографии. Зачем нам лишние траты?

Тёзка Пушкина поднял вверх руку, призывая к спокойствию Константина и всех остальных, и, сделав паузу, глубоко вздохнув и выдохнув московский воздух, сказал:

— Константин, я благодарен вам за ваше участие и бескорыстие. Пожалуйста, делайте свои фотографии и проступайте с ними как пожелаете. Но я всё-таки хочу подстраховаться и сделать фотографии ещё и у московских фотографов. Надеюсь, вы не против?

— Не против, — развёл руки Константин, грустно улыбувшись.

Сергеич, видимо, заранее договорился с фотографом, потому что, как только группа сибиряков вышла к Красной площади, человек с фотоаппаратом вышел им навстречу и предложил выстроиться напротив Исторического музея.

— А второй групповой снимок сделаем чуть подальше, на фоне Спасской башни и храма Василия Блаженного. Захватим и памятник героям войны тысяча шестьсот двенадцатого года гражданину Минину и князю Пожарскому, — перестраивая группу фотографирующихся, говорил московский фотограф. — А потом, кто желает, по одному, по двое, по трое — могу сфотографировать отдельно. Ваш старший всё запишет, а фотографии доставим к поезду, на Ярославский вокзал. Ваш же Москва — Иркутск называется? Правильно?

— Правильно, правильно... — раздался голоса.

Володя, Витя и Исаак оба раза оказывались во втором ряду по левую сторону. Первый раз с ними был и Константин, заняв позицию крайнего, а когда стали фотографироваться на фоне Кремля, он перебрался в ряд первый и встал между Тёзкой Пушкина и Викторией-Победительницей.

Оказавшись на Красной площади, видимо, охваченные волнением, Витя-Перец и Исаак смотрели на всё

происходящее вокруг, словно не понимая, где они и что с ними происходит.

Когда группа разошлась, Исаака прорвало:

— Вовка, Витя, ударьте меня по плечу: сплю я или нет? Это точно я в Москве?

— Да в Москве ты, как и мы все, — хлопнув приятеля по плечу, сказал ему Володя. — Иногда мечты и сны наши сбываются.

— Я сколько раз видел во сне, что приехал в Москву, и вот я здесь! — оживился Исаак и, подняв вверх руки с покупками, закричал: — Я в Москве! Я в Москве! И я не сплю! И это не сон!

Несколько проходящих по Красной площади людей оглянулись на кричавшего, кто-то улыбнулся понимающе.

— Торноев, вы действительно в Москве, и это не сон, — сказал, подойдя к Исааку, Александр Сергеевич. — Убедитесь, если сейчас не верите, глядя на наши фотографии.

— И Александр Сергеевич со мною в Москве! — продолжал восторгаться Исаак, обняв комсомольского лидера Иркутского университета и прижав к нему пакеты с покупками. — Давайте сфотографируемся с вами, Александр Сергеевич.

На возглас Исаака, что с ним Александр Сергеевич, оглянулись многие из проходящих. Некоторые даже сбавили шаг или вообще остановились посмотреть на Александра Сергеевича, но, не найдя никакого сходства с поэтом, через несколько мгновений зашагали дальше.

Возле Исаака и Сергеича сразу появился фотограф и сделал два щелчка затвором фотоаппарата.

Константин сфотографировал друзей на фоне ГУМа, а потом очереди в Мавзолей. У памятника Минину и Пожарскому он попросил Исаака сфотографировать его одного, а потом с Володей и Виктором. Володя сфотографировал друзей у входа в храм Василия Блаженного, а после Константин запечатлел их по одному возле Спасской башни с курантами.

Когда Сергеич собрал всех у храма Василия Блаженного, Константин выдвинулся вперёд и от имени всех студентов поблагодарил Викторию-Победительницу.

— Мы всегда любили и уважали вас, дорогая Виктория Львовна, но сегодня, думаю, выражаю мнение всех присутствующих, полюбили и уважали ещё больше. Спасибо вам за экскурсию!

С этими словами Константин достал из своей висевшей на его плече сумки коробку конфет и завёрнутые в плотную бумагу три больших красных розы.

Под общее ликование и аплодисменты Константин вручил растроганной Победительнице цветы и конфеты и, не спрашивая разрешения, поцеловал её в щёчку.

Последнее действие вызвало ещё более бурное ликование и громкие, продолжительные аплодисменты.

Лицо Виктории Львовны сделалось счастливым, а на физиономии Александра Сергеевича в это время отражались удивление и растерянность.

Этой растерянностью воспользовался Константин.

— С вашего разрешения, Александр Сергеевич, я покину вас на полтора часа, — сказал он, обращаясь к руководителю. — Поверьте, мне очень надо. Я знаю Москву и не заблужусь. Тем более что меня ждут и проводят потом друзья-москвичи. Я знаю, что вы пойдёте через мост к Третьяковской галерее. Я найду вас там или встречу у выхода из музея.

— Ну хорошо... — сказал Тёзка Пушкина, ещё не совсем придя в себя от быстроменяющихся событий и речей. — Хорошо, Константин, я надеюсь на вашу порядочность.

— Спасибо! Всем привет и приятного знакомства с Москвой! — крикнул, пользуясь моментом, Константин и тут же исчез, растворившись среди гуляющих по площади людей.

10.

От храма Василия блаженного экскурсия вышла на мост через Москва-реку, с которого хорошо просматривалась красная стена Кремля, тянувшаяся вдоль реки, и были видны кремлёвские постройки, возвышающиеся за стеной.

— А сейчас мы с вами переходим в так называемое Замоскворечье, где хорошо сохранились здания девятнадцатого, восемнадцатого и даже семнадцатого веков — дома купцов, мещан и разного рода князей, — продолжала рассказывать, не останавливаясь, Виктория Львовна. — Некоторые из них были описаны в литературных произведениях драматурга Островского, писателей Боборыкина, Гиляровского и других.

Большинство экскурсантов, было видно, слушали своего экскурсовода уже невнимательно, то и дело отвлекаясь на разговоры друг с другом и обсуждая покупки. Володя тоже потерял интерес к экскурсии и всё живее представлял, как он

приедет в Тайшетград и расскажет о поездке в Москву не только матери и сестре, а ещё друзьям и Юрке Матзагиру.

«Надо к Юраньке в Шиткино съездить. Давно не виделись с армейским товарищем... Он сейчас мореманом авторитетным заделался, закончил мореходку... Служит в торговом флоте, в Японию, Китай грузы возит... Писал, что после десятого июля у него отпуск. А я как раз и появлюсь в Тайшетграде... Дней пять у меня между поездками свободных будет. Успею и дома погостить, и до Шиткино добраться...»

Вспомнив об армейском друге, Володя невольно подумал и о его сестре.

«Интересно, как там Катя? Может, замуж уже вышла?... Надо осторожно расспросить Юрку...»

Группа студентов-проводников, разбившись на двое-трое, тянулась вдоль пешеходных дорожек, то и дело по приказу Виктории переходя улицу на зелёный свет светофора с левой стороны на правую и обратно.

Витя-Перец и Исаак шли чуть впереди Володи, тоже вполголоса переговаривались. Замыкал шествие необычно задумчивый Александр Сергеевич, не проронивший ни слова до подхода к Третьяковской галерее.

Володя шёл, думая о своём, не запоминая пути и не очень обращая внимание на дома и скверы, встречающиеся на пути. За одним из домов по правой стороне улицы они пошли вправо, а затем, снова свернув вправо, вышли к картинной галерее.

— Ну вот и Лаврушинский переулок и знаменитая Третьяковка, — выводя из прострации экскурсантов, сказала Виктория Львовна, когда группа выстроилась возле музея.

— Друзья, вот мы и на месте! — сказал, вновь взяв инициативу на себя, Александр Сергеевич. — Сейчас с Викторией Львовной мы возьмём на всех билеты. Большая просьба: не разбредаться по залам, а держаться всем вместе. Что знает, расскажет нам Виктория Львовна, что нет — спросим на месте у экскурсоводов. Если кого-то интересует какая-то отдельная картина или творчество какого-то художника, спрашивайте меня и Викторию Львовну, будем искать вместе. К сожалению, времени у нас на всё про всё не больше часа. Но что успеем — посмотрим. Насколько я знаю, Виктория Львовна была уже в Третьяковке раньше, а я вот, как и многие из вас, впервые. Так что мне тоже всё тут в диковинку.

Студенты-экскурсанты несмело прошли в вестибюль музея и выстроились, ожидая своих руководителей, недалеко от входа.

Виктория Львовна и Александр Сергеевич вернулись к ним в сопровождении небольшого роста женщины, как оказалось — экскурсовода музея.

— Меня зовут Елена Александровна, — представилась она. — Мне сказали, что у вас очень мало времени, поэтому проведём экспресс-экскурсию. Делайте заявки. На что бы вы хотели бы посмотреть в первую очередь? Картины каких художников?

— Картины Айвазовского про море! — неожиданно, выйдя вперёд, высказался Витя-Перец.

— А я думал, что ты, как бывший тракторист, картину «Рожь» захочешь посмотреть, — сказал вполголоса Володя, улыбнувшись другу.

— Хорошо. Картины Ивана Константиновича Айвазовского посмотрим, — согласно кивнула женщина. — Ещё кого что интересует?

— «Три богатыря»! — выкрикнул Исаак.

— И на «Богатырей» Виктора Михайловича Васнецова заявка поступила, — снова утвердительно кивнула экскурсовод. — Ну, я думаю, для начала мы, не теряя времени, пойдём к этим картинам, а по ходу нашей экскурсии посмотрим и другие.

Согласно первой заявке, Елена Александровна повела экскурсию к картинам Айвазовского.

— Картины Ивана Константиновича Айвазовского хранятся в нескольких музеях нашей страны, — на ходу говорила экскурсовод, — в Эрмитаже, Русском музее и Центральном военно-морском музее в Ленинграде, в картинной галерее города Феодосии, носящей имя художника. Есть его картины в музеях Твери, Костромы, Одессы, Киева, Николаева и других городов Советского Союза.

Когда экскурсанты остановились у картин Айвазовского, Елена Александровна продолжила:

— Несколько картин художника представлены и в нашей галерее. В частности, вы можете сейчас здесь увидеть картину тысяча восемьсот сорокового года «Морской берег», «Лунную ночь на Капри», написанную годом позднее. Сразу скажу, что одну из самых знаменитых картин Ивана Константиновича, «Девятый вал», вы здесь не увидите, она находится в Русском музее города Ленинграда. Но у нас есть картина «Конец бури на море», написанная в тысяча восемьсот тридцать девятом году, то есть за одиннадцать лет до окончания работы художника над «Девятым валом». Здесь вы можете видеть и

замечательную картину «Лунная ночь на Капри», созданную в тысяча восемьсот сорок первом году. Интересны картины «Венецианская лагуна. Вид на остров Сан-Джорджо» тысяча восемьсот сорок четвёртого года и «Вид Леандровой башни в Константинополе» тысяча восемьсот сорок восьмого года.

Володя, Исаак и Витя, переходя от картины к картине, старались не отставать от экскурсовода и становились близко от Елены Александровны, рядом с Сергеичем и Викторией, слушая с интересом. Конечно, Володя понимал, что Витяня, высказав желание пойти к картинам Айвазовского, в первую очередь хотел увидеть именно «Девятый вал», но известие о том, что этой картины здесь нет и он сможет увидеть её, только будучи в Ленинграде, Витю, видимо, не расстроило, а наоборот, как показалось Володе, подзадорило, и у него теперь появился новый интерес для посещения города на Неве.

«Богатыри», виденные друзьями только на репродукциях, впечатлили друзей, да и, наверное, всех иркутских студентов, своим размахом. Картина занимала почти всю стену.

Володя заметил, что внимание Исаака привлекла и большая золочёная рама.

— Интересно, сколько эта рамка весит в килограммах? — покачал головой будущий журналист.

— Спроси у Елены Александровны — может, она и это знает, — посоветовал ему Володя.

— Да неудобно как-то... — смутился Исаак. — Пришли картины смотреть, а я про рамы буду спрашивать...

— Для журналистов не должно быть неудобных вопросов, — сказал Володя и, пока Елена Александровна не начала свой рассказ о картине, набравшись смелости, обратился к экскурсоводу: — Наш студент-журналист интересуется рамой, в которую облачена картина. Она золотая или позолоченная?

— О! — воскликнула Елена Александровна. — Это отдельная интересная тема! И вы, и ваш друг не первые, кто задаются такими вопросами. Я думаю, когда-нибудь мы будем говорить на наших экскурсиях и о рамах. Среди них есть особенные, сделанные по специальному заказу. Я пока не готова рассказывать о них. Ни о составе красок, ни о весе рам я не осведомлена. Сожалею, что не могу вам ответить на этот вопрос, а вот о картине кое-что расскажу. Вы согласны, молодой человек?

Володя кивнул и посмотрел на Исаака. Тот смутился.

— Ну и замечательно, — улыбнулась Елена Александровна. — Перед нами картина «Богатыри» русского художника Виктора Михайловича Васнецова. Художник работал над картиной около двадцати лет. Двадцать третьего апреля тысяча восемьсот девяносто восьмого года она была закончена и вскоре куплена Павлом Михайловичем Третьяковым для своей галереи.

От «Богатырей», по совету Елены Александровны, экскурсия перешла к экспозициям картин Шишкина и остановилась у самой, пожалуй, известной школьникам и студентам, с тремя медведями у поваленной сосны.

— Картина «Утро в сосновом лесу» пользуется популярностью благодаря композиционному включению в пейзажное полотно элементов анималистической сюжетности, — сказала экскурсовод. — Работа детально передаёт состояние природы. Показан не глухой дремучий лес, а солнечный свет, пробивающийся сквозь колонны высоких деревьев. Резвящиеся медвежата чувствуют приближение утра. Предположительно, замысел картины был подсказан Ивану Ивановичу Шишкину художником Константином Савицким, который позже выступил в роли соавтора и изобразил, по эскизам Шишкина, фигуры медвежат. Эти медведи с некоторыми различиями в позах и количестве (сначала их было двое) фигурируют в подготовительных рисунках и эскизах. Медведи получились у Савицкого столь удачно, что он даже расписался на картине вместе с Шишкиным. Сам Савицкий сообщил родным: «Картина продана за четыре тысячи, и я участник в четвёртую долю». Но, приобретя эту картину, Павел Михайлович Третьяков снял подпись Савицкого, оставив авторство за Шишкиным. «Ведь в картине, — говорил Третьяков, — начиная от замысла и кончая исполнением, всё говорит о манере живописи, о творческом методе, свойственном именно Шишкину». Вот такая история этой картины.

— Интересно! — воскликнул Александр Сергеевич. — А некоторые из нас и не знали, что медведи нарисованы не Шишкиным.

— Большинство экскурсантов делает это открытие для себя у нас в музее, — сказала Елена Александровна.

Воспользовавшись наступившей после этого паузой, Володя, снова обратился к Елене Александровне:

— На обложке «Родной речи», по которой некоторые из нас учились читать, была другая картина Ивана Шишкина —

«Рожь». Она лично на меня, первоклассника, производила тогда очень сильное впечатление. Мы её сможем увидеть?

— Да, конечно, мы можем пройти к этой картине. Она находится в нашей галерее! — пригласила Володю и всех остальных следовать за ней Елена Александровна.

У Володи перехватило дыхание, когда он увидел небольшую по сравнению с «Богатырями», но такую знакомую им с детства и запомнившуюся навсегда картину.

Вспомнилось, как однажды в конце августа они с матерью, возвращаясь с рынка, зашли по пути в книжный магазин и Володя, заметив на прилавке книжку с этой картинкой на обложке, вдруг замер, разглядывая её.

— Купите мальчику «Родную речь», — посоветовала продавщица, заметив любопытство маленького посетителя.

— Да ему ещё рано. Через год только в школу пойдёт, — отмахнулась было мать.

— Да ничего не рано! — ещё более подогревала интерес Володи продавщица. — Будет целый год листать, а если ещё к этой книжке и «Букварь» купите, глядишь, и читать научится ещё до школы. А в школу придёт уже грамотным и удивит учительницу.

— Нравится тебе эта книжка? — поддаваясь на уговоры продавщицы, спросила мать сына.

— Да... — робко ответил Володя и с мольбою глянул в глаза матери.

Этот взгляд и решил вопрос о покупке. Мать тогда купила сыну и «Родную речь», и «Букварь». Получив в руки желанную книжку с понравившейся картинкой, Володя прижал её к груди и так нёс до самого дома драгоценное для него приобретение.

Весь день Володя не выпускал из рук книжки. То и дело перелистывал, рассматривая картинки. Вечером мать, управившись с домашними делами, посадила на диван рядом с собой сестрёнку Аню, позвала Володю и, раскрыв книжку, показывая детям картинки, стала читать то, что там было написано. И нередко потом осенними вечерами и в выходные зимние дни мать читала им страницы то «Родной речи», то «Букваря», обращая внимание детей на рисунки и на то, какая буква стоит в верхнем левом или правом углу страницы. И Володя действительно вскоре стал запоминать название букв, как они произносятся и ближе к весне уже сам читал сестрёнке и про маму, и про раму, и стихотворения про Первое мая, Седьмое ноября и Новый год, поражая своими успехами отца и иногда заходившего в гости деда.

В школу он пришёл, не только умея читать, но и зная наизусть многие стихи, опубликованные на страницах «Родной речи». Едва учительница открывала какую-нибудь страницу учебника, как Володя тянул руку и рассказывал по памяти о том, что на этой странице под картинкой написано.

— «Рожь» — картина художника-передвижника Ивана Ивановича Шишкина, написанная им в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году, — встав возле картины и подождав, пока экскурсанты выстроятся перед ней, начала рассказ экскурсовод. — Здесь изображено Лекаревское поле близ Елабуги, в Вятской губернии. Тему для этого произведения — как и для многих других своих картин — Шишкин нашёл на родине, во время поездки в Елабугу в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году. Карандашный набросок, сделанный на Лекаревском поле художником, стал основой полотна. Его содержание и основная идея тоже раскрыты самим художником в краткой записи, сделанной на одном из эскизов: «Раздолье, простор, уголье. Рожь. Божья благодать. Русское богатство». Картина экспонировалась на шестой передвижной выставке, прошедшей в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году в помещении Общества поощрения художеств, в том же году она была приобретена у автора Павлом Михайловичем Третьяковым. Обратите внимание: на заднем плане картины — могучая сосна. Это дерево — символ всего творчества художника. Неизменно влюблённый в русский лес, он выписывает её нежно и подробно — с её клонящимися от тяжести вниз ветвями, с её причудливо искривлённым стволом, придающим дереву дополнительное очарование, с её гордо вознесённой в самую высь верхушкой. Громады кучевых облаков тяжело нависают над рожью, они грозят близким ливнем — очистительным и благодатным. Тишина и безветрие, будто разлитые по пространству картины и почти физически ощущаемые, — тоже знак близкой грозы, необходимой земле для того, чтобы отдать возделывающему её человеку свои дары. Единственная деталь, навевающая неотчётливую тревогу, — погибшее дерево. Предположительно, засохшая сосна — эхо недавних переживаний автора, в одночасье потерявшего любимую жену, отца, двух малолетних сыновей. Просёлок, заросший травой и цветами, словно приглашает путника пройти по нему, манит счастливыми открытиями и обещает увести в светлую даль. Ласточки стремительно летают над самой землёй, и кажется, что их тени не успевают за ними. «Рожь» — звучащая картина; её автор

совершает настоящее чудо, заставляя зрителя слышать гудение шмелей в раскалённом воздухе и шелест ласточкиных крыльев. Алексей Николаевич Некрасов, чьё творчество было очень близко Шишкину, написал после своего возвращения из-за границы:

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!

Володя был поражён сказанным экскурсоводом. Сколько раз смотрел на эту картину на различных репродукциях, но многого, о чём говорила сейчас Елена Александровна, он раньше не замечал на ней.

Да, он не впервые видел сосны, рожь, дорогу, ведущую вдаль и манящую. Ему хотелось пройтись по этой дороге дальше, к горизонту, за которым, он не сомневался, есть речка и мост в сказочный город, такой как в кинофильме «Сказка о царе Салтане», где белочка грызёт золотые орешки, где путников встречают тридцать три богатыря и сама царевна Лебедь. Но парящих прямо у дороги ласточек он увидел впервые, после подсказки экскурсовода. Да и правда: вот они — одна, вторая... Не удосуживал он своим вниманием и засохшую сосну, и тёмные гроззовые облака, которые, правда, не на всех репродукциях можно было разглядеть. А вот здесь, на оригинале, всё было вырисовано чётко и теперь, после слов Елены Александровны, обращало на себя его внимание.

Задумавшись, Володя не сразу заметил, как рядом появился Константин. Константин встал рядом с ним и пожал ему тихонько руку.

— Всё нормально, Володька, — прошептал он, фиксируя своё возвращение в строй экскурсантов кивком головы Александру Сергеевичу и Виктории Львовне, внимавшим, как и все присутствующие, словам экскурсовода.

11.

— Ну что, друзья мои, устали? — спросил Александр Сергеевич проводников-студентов, когда они вышли из музея, и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Знаю, что устали. Столько впечатлений сразу, и это после того, как полдня вы работали в поезде. Некоторые из вас не спали ночь. Всё, едем к Ярославскому вокзалу. Там по своим вагонам — и ближе к ночи снова в путь!

После выступления Сергеича, наверное, не один Володя ощутил навалившуюся на плечи усталость. Восторг от столичных впечатлений ещё трепыхался в груди, но в ногах уже не было бодрости, и глаза закрывались сами собой.

— Укатали сивок горки! — пытался шутить Константин, выглядывавший свежее остальных, но его, казалось, уже никто не слушал.

Экскурсанты медленно брели к станции метро, спустились по эскалатору, поехали в вагоне электрички, по команде вышли на какой-то станции, известной, наверное, только Сергеичу, Виктории и, возможно, Константину, прошли по переходу и зашли в другой вагон другой электрички.

На Ярославском вокзале Сергеич, оставив группу, зашёл к дежурному, и тот отправил с ними своего помощника на поиск иркутского состава, стоявшего до отправления на запасных путях.

Свой поезд они нашли, хотя и не сразу, поднялись сначала в штабной вагон, а потом, после короткой инструкции, разошлись по вагонам своим.

Володя с Исааком часа два протирали полки и окна, наводили порядок в проходах, проверили наличие воды в бачке. Едва они присели отдохнуть, как в купе проводников постучался Константин.

— Я вам тут немного жизнь хочу облегчить, — сказал он, присаживаясь рядом с друзьями. — Вот, — Константин выложил из сумки, что держал в руках, на столик две небольших пачки. — Это импортный чай в пакетиках. Индийский, но расфасовка английская. Тут написано по-английски.

Константин раскрыл обе пачки и достал из одной белый прямоугольник, а из другой — прямоугольничек поменьше, с прикреплённой к нему ниткой и небольшой, как показалось Володе, этикеткой.

— Это два вида пакетированного чая. Один из них с ярлыком, второй без ярлыка. Разница, поверьте, для нас небольшая. Чай внутри пакетика. Пакетик опускаешь в стакан с кипятком, и чай принимает окраску заварки. Заваривается, короче. Пакетик, один за ярлычок, второй — помешивая внутри стакана чайной ложечкой, держите в кипятке до обретения окраса, но не более одной минуты, а затем перекидываете в другой стакан. Минута делов, чай окрашивается, и пакетики плавно перекочёвывают в стакан третий. Третий, правда, уже не будет таким крепким, как первые два, но чай получается вполне сносный. Это для тех, кто не любит крепкого чая. Некоторые пробуют заваривать одним пакетом четыре стакана, но в чет-

вёртом получается уже просто покрашенная водичка. От чая мало что остаётся. Я думаю, что вам вполне хватит пакета и на три стакана. Зато — благодать! Не надо с заваркой мучиться: насыпать, заваривать, настаивать, потом выбрасывать отработку.

— Здорово! — потёр ладони Исаак. — Это тебе друзья-москвичи подарили?

— Да, друзья, — кивнул Константин. — И ещё вот. Это вам. Он достал из сумки две металлические баночки.

— Это импортное пиво. Немецкое. Видите, «Бавария» написано чёрными буквами на белом фоне.

— А как его пьют? — спросил Володя.

— Вот тут, сверху, есть кольцо. Его открывают осторожно... — Константин потянул за кольцо. — Исаак, давай стакан. Можно пить и из банки, но, на мой взгляд, не очень удобно.

Константин налил в стакан, поставленный на стол Исааком, светлой пенной жидкости.

— Пробуйте. В банке триста тридцать граммов.

Володя глянул на Исаака. Тот взял в руки принесённый им же стакан и попробовал содержимое его на вкус.

— Точно пиво! Вкусное!

— Пей всё, я Володьке налью в другой стакан и сам с вами выпью, а вам ещё баночку пожертвую. Мне к поезду должны подвезти две новых упаковки.

Володя поставил на стол ещё два стакана, и Константин разлил остатки пива из банки.

— Ну как тебе? — спросил Константин, когда Володя сделал несколько глотков.

— Какой-то необычный вкус.

— Это пастеризованное пиво. Храниться долго может в баночках, даже без холодильника. Мне должны ещё два сорта подвезти. Угощу в дороге. По пути, может, продам кому-нибудь из любителей пива баночку-другую, но не меньше чем за червонец.

Константин снова запустил руку в сумку и достал три гаванские сигары.

— Закуривай, ребята!

Исаак потёр руки и взялся за сигару.

— А ты? — спросил Константин Володю. — «Лишаешь себя удовольствия», — как говорил Леонид Куравлёв в фильме «Афоня».

— Ну и я попробую, после пивка-то, — согласился Володя и, уже как опытный курильщик, потянул лицо с сигарой к зажигалке Константина.

— А к тебе у меня дело есть, — сказал Константин Володе, когда они открыли окно вагона. — Я хочу предложить упаковочку твоему доценту. Ну, про которого ты говорил, из иняза, что джинсовые костюмы оптом взял через эту красавицу, что Витьке нашему понравилась.

— Сергею Иннокентьевичу, что ли? — догадался Володя, выпуская дым сигары.

— Ну да. Сведёшь меня по приезду? У тебя же контактный телефон его есть?

— Контактного телефона нет. Встретиться можно у «Баньки». С семнадцати часов там часто бывает Толик, помощник Иннокентьяча. Через него можно организовать встречу.

— Ну хорошо. Сходим по приезду?

— Давай.

Вечером, когда состав вытянули к перрону Ярославского вокзала и к поезду стали подходить первые пассажиры, Володя, стоя у своего вагона, увидел, как двое парней передали Константину большую сумку, тот принял её, пожал парням руки и, заходя в вагон, помахал им на прощание.

12.

«Путь домой всегда вдвое короче», — вспомнилось Володе изречение кого-то из мудрых людей, когда они ехали обратно.

Незаметно за работой полетели часы и дни. Станции, полустанки, выходы на перроны, общение с пассажирами — всё промелькнуло, словно в одну минуту. Почти четверо суток пути сжались в одно целое — работу. Несколько раз и Володя, и Исаак подавали пассажирам чай, настоянный на пакетиках Константина, и ни одного раза он не вызвал подозрений. Некоторые даже хвалили проводников за хорошую заварку. Пару раз они с Исааком находили время и, открыв окно в купе проводников, выкуривали одну на двоих сигару, что приносил им Константин.

Как-то быстро поезд миновал запомнившиеся Володе по пути в столицу уральские города, осталась позади Тюмень, а там уже застучал состав колёсами по стыкам мостов через сибирские реки Иртыш, Обь, Енисей.

Промелькнула за окном станция Бирюсинка, где снова несколько девчонок махали проходящему мимо поезду. Замерло сердце Володи, когда он заметил на откосе фигуру обходчика, стоявшего чуть ли не по стойке «смирно», в оранжевом жилете, с флажком, вглядывающегося в окна мчащегося поезда. Во-

лодя интуитивно махнул бывшему соседу, но обходчик, видимо, снова не успел заметить его.

В Тайшетграде Володя, выйдя перрон, в течение двух-трёх минут, что стоял поезд, пытался отыскать знакомых и, не найдя таковых, не расстроился, успокаивая себя тем, что через пару деньков он снова будет здесь.

И вот, наконец, Иркутск. Знакомый вокзал, прощание с пассажирами и окончание первого путешествия в Москву.

Ура! Теперь впереди у него пять дней отдыха.

13.

Володя рассчитывал побыть в Тайшетграде до вечера шестнадцатого июля и вернуться в Иркутск за день до новой поездки. Однако на собрании вернувшуюся из Москвы бригаду проводников начальник пассажирского вагонного депо, поздравив с первой удачной поездкой и поблагодарив за работу, попросил прийти в депо за два дня до новой поездки.

— Я понимаю, что вам ехать восемнадцатого июля, но прошу быть всех в депо шестнадцатого. В этот день будем выдавать аванс. Кто не получит, уедет в Ленинград без денег, — сказал начальник депо и попросил Тёзку Пушкина и Викторию-Победительницу проконтролировать получение аванса студентами.

И студентам-проводникам, так соскучившимся по дому, пришлось сократить пребывание на родине. А если учесть, что Володя обещал сопроводить Константина к «Баньке» и свести его с Толиком, то из поездки домой выпадал ещё один день. Чтобы не рисковать, Володя купил билет до Тайшетграда на вечер одиннадцатого июля.

Он купил билет и вместе с Константином после собрания поехал к «Баньке». К кафе они добрались, когда на часах Константина было семнадцать десять.

— Нормально, — сказал Володя. — Я думаю, что если Толик сегодня решил быть здесь, то он в течение двух часов непременно появится. Сидим до семи.

— Ну, хорошо, — согласился Константин. — А что вы тут с Витяней в прошлый раз ели-пили?

— Пили кофе по-венски, закусывая мороженым с джемом.

— С джемом? — переспросил Константин, оглядывая зал.

— Да, с джемом... Земляничным, — подтвердил Володя.

— Мороженое с джемом по-итальянски — джелато, замороженный десерт, — хлопнув в ладони и усаживаясь за

свободный столик, сказал Константин. — Считается, что его придумал флорентийский архитектор Бернардо Буонталенти в шестнадцатом веке. Специально для королевы Екатерины Медичи он сконструировал мороженицу — кадочку со льдом и солью, в которую ставили медный котелок со смешанными ингредиентами — молоком, сливками, фруктами и ягодами.

— Интересно, — в очередной раз поражённый осведомлённостью друга, кивнул Володя, усаживаясь напротив. — Закажем и мы джелато?

— Давай! — подмигнул Константин и, повернувшись к подошедшей к ним девушке-официантке, улыбаясь, спросил: — Земляничное джелато у вас сегодня в наличии?

— Джелато — это не у нас. У нас мороженое и кофе, — спокойно, но быстро ответила девушка, глядя на Константина. — Кофе заказывать будете?

— Два кофе по-венски и две порции мороженого с земляничным джемом! — быстро сказал Володя.

— С земляничным сейчас нет. Есть с черничным, — повернулась к нему официантка.

— Давайте с черничным, — поклонился ей Константин, снова переключая внимание девушки на себя. — Две порции мороженого и две чашечки кофе.

— Кофе придётся подождать минут пятнадцать-двадцать. А мороженое могу принести сейчас, — сказала официантка.

— Принесите уже всё сразу. Мы подождём, — ещё раз склонив голову в поклоне, сказал Константин.

Они пили кофе, ели мороженое, вели беседу о предстоящей поездке в Ленинград. Прошло более часа, а Толика не было. За соседними столиками и у барной стойки то и дело происходили встречи, бурные и тихие. Люди пожимали друг другу руки, садились пить кофе, переговаривались и выходили.

— Пойдём прогуляемся возле кафешки, подышим свежим воздухом, — предложил Константин. — Толик этот мимо входа не пройдёт. Если придёт, конечно. До семи немного осталось.

— Пойдём, — согласился Володя, предвидя, что придётся им с Константином завтра снова пить кофе в «Баньке».

— А давай у бармена поинтересуемся. Может, он этого Толика знает? Скажет, может, что о нём?

— Это какой Толик? Длинноволосый? — спросил их бармен. — Лет двадцать пять на вид?

— Да! — кивнул обрадованно Володя. — Он то в рубашке в клеточку ходит, то в джинсовом костюме.

— Я вчера работал — его не было, и сегодня не видел.

Из двери за барной стойкой, видимо, услышав разговор, вышел мужчина лет сорока.

— А вам зачем Толик нужен? — спросил он, разглядывая друзей. — Вы с ним договаривались о встрече?

— Не договаривались, но он мне говорил, что если будет нужен, то его можно встретить здесь, — сказал Володя.

— А ты кто? — спросил мужчина, облокотившись на стойку.

— В каком смысле — кто? — не понял Володя.

— А в том смысле, что я сегодня, может, и увижу Толяна. От кого мне ему привет передать?

— От Владимира... Студента... Студента университета...

— Так и сказать: привет тебе передаёт студент университета Владимира? Так? — мужчина с ухмылкой смотрел на Володю.

— Можете сказать: князь Владимир привет передаёт. Встретиться хочет! — почувствовав уверенность, сказал Володя.

— Добро. Если князь увидеться желает, то передам непременно, — кивнул, продолжая улыбаться, мужчина. — Если увижу, конечно...

— Передайте уж, не забудьте, — вступил в разговор Константин. — А мы завтра снова кофе пить к вам придём. Спасибо. Вкусный кофе!

— Всегда рады хорошим клиентам! — сказал им на прощание мужчина.

— Ну, братан, ты и даёшь! — обняв за плечи друга, засмеялся Константин, когда они вышли из «Баньки». — Я и не знал, что ты в блатном мире уже кличкой обзавёлся! И какой! Князь Владимир! Это высший пилотаж прямо!

— Да меня так Сергей Иннокентьевич при знакомстве назвал, а Инесса потом подхватила, — засмутился, отстраняясь от объятий товарища, Володя.

— Ладно, не скромничай! Ты дело в тот раз провернул просто профессионально! И связи завёл хорошие. Чувствую, тут новые входы-выходы появиться могут, — потёр руки Константин. — А знаешь что? Поехали ко мне в Ангарск! Познакомлю тебя с родичами. Посидим, отметим наш приезд, а завтра вернёмся. Всё равно сутки почти до твоего поезда.

— Да неудобно как-то... — замялся было Володя.

— Всё удобно! — заверил его Константин. — Мои родители — люди с пониманием. Мои друзья для них что дети родные. Сам увидишь.

14.

На вокзале Константин отправил Володю к пригородным кассам за билетами на электричку, а сам пошёл к камерам хранения.

— Я всё, что со столицы привёз, в автоматические камеры хранения сложил, — пояснил он другу. — Кое-что возьму с собой в Ангарск, а остальное оставляю, чтобы туда-сюда не возить.

Пробираясь к пригородным кассам, Володя увидел возле табло с расписанием поездов двух молодых людей, в которых узнал Зотченко и Травкина.

Сергей Зотченко был в форме сержанта милиции, а Толик Травкин — в куртке-энцефалитке под цвет солдатской гимнастёрки. На правом плече у него висел небольшой рюкзачок.

Армейские товарищи стояли под табло и оживлённо разговаривали, не обратив внимания на подошедшего к ним человека.

Володя, приблизившись к Толику, обнял его за плечо и, улыбаясь, спросил:

— Что у вас, ребята, в рюкзаке?

Ребята повернулись, и первым узнал его Зотченко.

— Оп-па! — воскликнул сержант милиции, заключив Володю, а заодно и Травкина, в свои объятия. — Сапрунов! Сколько зим! Мне Дамир говорил, что видел тебя здесь, в Иркутске.

— Он и мне про вас говорил, — сказал Володя, прижимая к себе сослуживцев. — Знаю, что Толик на охотоведа учится, а ты, Серый, правопорядок поддерживаешь! А что вы тут, на вокзале, делаете?

— Я Толику хотел помочь в Улан-Удэ уехать. Билет достать. Но на сегодня их нет, и даже милиция не в силах помочь, — пояснил Зотченко. — Взяли на завтра только. Вот зову Толяна к себе в гости, а он упирается. А ты как тут? Домой, в Тайшетград свой, собрался?

— Да, собрался, но тоже только на завтра билет взял. А сейчас хочу в Ангарск поехать. Приятель зовёт. Да вон и он с сумками идёт.

Володя помахал зашедшему в здание вокзала Константину.

— Познакомьтесь: это мои армейские товарищи Сергей и Анатолий, а это мой друг и сокурсник Константин. Мы с ним в универе на историков учимся.

— Да ты же вроде, Володька, режиссёром быть собирался! — несколько удивился Травкин. — У тебя и способности к этому проявлялись...

— Ну, вот так, Толян, получилось... — как бы оправдываясь, сказал смущённо Володя. — Хотел одно время быть режиссёром, но выбрал всё-таки историю. Мы с Костей археологами будем. Правда, Константин?

Константин, быстро разобравшись, в чём дело, на волне всеобщего ликования предложил друзьям Володи поменять планы и поехать всем в Ангарск.

— Да мне же завтра на поезд утром! — попытался было отказаться Толик.

— Мы тебя там, в Ангарске, на твой поезд посадим! — уверенно сказал Константин. — Билет есть, переживать не стоит! Сейчас все ко мне! Мы с Володькой только из столицы вернулись, у нас гостинцы для всех есть. Поехали!

Зотченко был за поездку. Он зашёл в дежурную часть милиции и позвонил домой, предупредив родителей, что уезжает на один день.

— Как твои там? Живы-здоровы? — спросил его Володя, когда они, купив билеты, вышли на перрон.

— Да, живы-здоровы. Все вместе живём пока: мать, отец, я, сестра Тоня. Как и раньше. Сестра сейчас в инязе учится, немецкий язык изучает. Переводчицей, наверное, будет.

В электричке Зотченко рассказал, что собирался поступать в школу милиции.

— Сначала хотел в Хабаровскую, в среднюю, но её с этого года сделали высшей. Что-то на четыре года уезжать из Иркутска, оставлять работу не хочется. Я решил остаться работать в милиции и поступить в этом году заочно на юридический. К вам в университет, между прочим!

— Следователем будешь? — спросил его Константин.

— Может, потом и следователем, но сейчас мне больше оперативная работа нравится, — ответил Сергей. — Пока буду стремиться в инспекторы уголовного розыска.

Толик Травкин рассказал, что собирается на каникулах месяц-полтора поработать в заповеднике на берегу Байкала.

— А я у Мазура в гостях был прошлым летом, — сказал он. — Лёня учится сейчас в Волгограде, в политехническом. Были мы с ним и в Элисте, и в Астрахань за рыбой ездили, и на Волгоград посмотреть.

— Ну, здорово! Рад за тебя, что решился на дальнюю поездку, и за Лёньку Мазура. Наверняка не оставил своей мечты — стать министром сельского строительства своей республики! — одобрил Володя.

— А как там Матзагир Юораня поживает? — спросил Травкин. — В торговый флот служить пошёл?

— Служит на Тихом океане второй год уже. Обещал в отпуск приехать. Надеюсь, дня через два-три увижу его. Передам привет от вас с Серёгой.

— Скажи ему: пусть время выберет, в Иркутск нагрянет. Не в этом году, так в следующем. Встретимся, посидим в кафе или ресторане, — сказал Толик мечтательно. — Хотелось бы увидеться.

— В железнодорожный ресторан пойдём! — засмеялся Зотченко.

— Лучше в «Ангару»! — подмигнул Володя и посмотрел на Константина.

— Конечно, в «Ангару»! — кивнул тот.

— И туда успеем, и туда! Ещё и на Байкал все съездим! — ставя точку в разговоре, заключил Зотченко.

Родители Константина Юрий Яковлевич и Полина Егоровна действительно оказались людьми простыми в общении. Глядя на них, даже не верилось, что отец Кости — главный инженер большого завода, а мать — заместитель председателя горисполкома. Едва познакомившись, Полина Егоровна, статная красивая шатенка, сразу пригласила всех в гостиную. Кудрявые волосы её спадали на зелёный атласный халат, а движения были неторопливы и, как подумал Володя, взвешенны.

— Костя, а что ты не предупредил, что приедешь с гостями? — спросила она сына. — Я ничего не готовила. Придётся угощать твоих друзей тем, что есть в холодильнике. Сейчас самовар поставлю.

— Не суетись, мам! — сказал Константин, обняв и поцеловав мать. — Мы сейчас к нам на дачу поедем всей компанией. Там и поужинаем, и в бане попаримся, и переночуем. Пап, ты мне ключи дашь от машины?

— Да ты что? Только приехал — и сразу уезжаешь? — удивилась Полина Егоровна.

— Уезжаю, но не дальше дачи.

— Ну хоть чаю-то попейте с дороги!

— Некогда, мама. Только стоит присесть нам, налить чаю — и затянется процедура. Нет, поедем. Там и чай попьём, и шашлыки сделаем. А пока пойдём, зайдём с тобой в спальню, я тебе подарок вручу. Гостинец из столицы.

— Ну конечно, возьми ключи и езжай. Раз решил так. Поговорим завтра или в выходные дни, — разрешил Константину отец.

Отец был, под стать матери, одет по-домашнему: в синюю рубашку и спортивные брюки. Небольшой оттенок седины на чёрных густых волосах придавал хозяину квартиры солидности. Когда Юрий Яковлевич, улыбаясь, пожимал друзьям поочерёдно руки, Володя подумал, что отец Кости располагает к себе доверием.

Пока друзья сидели на диване в зале и разглядывали интерьер: ореховая стенка с хрустальной посудой и гжелью, большой цветной телевизор, книжная полка с синими, зелёными и белыми переплётами книг, — из спальни вышли Полина Егоровна и Константин. На плечах Полины Егоровны был большой красный платок с крупными белыми и золотистыми цветами.

— Ну как, Юра, тебе подарок сына? — спросила сияющая Полина Егоровна, демонстрируя обнову мужу и гостям.

— Ну-у-у! Слов нет! — воскликнул Юрий Яковлевич. — В платке ты ещё красивее! Пойдёшь в нём на заседание горсовета — все дара речи там лишатся, а вопросы нерешёнными так и останутся!

— Спасибо, сынок! Порадовал! — поцеловала мать Константина в щёку. — А может, всё-таки чаю попьёте хоть?

— Да нет, поедем, — решительно сказал Константин. — А тебе, батя, я потом подарок покажу. А пока можешь из сумки пива взять баночного.

— Хорошо, сынок, спасибо. Бери ключи, и езжайте, раз так. Дрова там есть на баню, и веники я заготовил. Воды полные вёдра и бак, а если кончится, на речку сходите, принесёте, — напутствовал Константина отец. — Да, мясо не покупайте на шашлыки. В погребе, в ведре, есть готовое уже нарезанное и замаринованное. Берите и делайте шашлыки, я потом ещё привезу туда.

— А где у тебя дача? — спросил Константина Зотченко, усаживаясь рядом с ним в «Волгу».

— Недалеко здесь, на речке Китой. Там огородик, тепличка, яблонька, адаптированная к сибирской природе. Да сами всё увидите.

Это лето 1980-го, олимпийского, високосного года Володя вспоминал и вспоминал потом. Оно было, пожалуй, самым долгим, насыщенным и познавательным в его студенческой жизни. В этот год он впервые побывал в Москве и в Ленинграде, был на Байкале, встретился и познакомился со многими людьми.

И та встреча с Зотченко и Травкиным на вокзале, а потом поездка в Ангарск и на дачу Константина — словно продолжение поездки на Байкал. Они топили баню, носили воду с Китоя и купались в реке. Жарили шашлыки. Константин ради такого случая достал всем по баночке импортного пива и запустил га-ванскую сигару по кругу.

— Да чтоб я так всегда жил! — воскликнул счастливый Зотченко.

Он сидел на крыльце дома в кресле-качалке, втягивал в себя дым сигары, задерживал дыхание и медленно выпускал. Потом откусывал мясо и, прожёвывая, запивал пивом из баночки.

— Костя, скажи, где такое пиво достать можно? У меня в сентябре день рождения, вот бы удивить своих милиционеров — выставить им по баночке.

— Это, друг, поступление из капстран и дружественной нам Чехословакии на Олимпийские игры в Москву, — объяснял ему, а заодно всем, Константин, — завезли на Олимпиаду. Будут продавать в некоторых кафе Москвы, а может, и в магазинах во время Олимпиады.

— А я, друзья, открываю вам тайну: еду на Олимпиаду, в Москву! Со всей области достойных сотрудников МВД собирают и отправляют туда, — сказал вдруг Зотченко. — И я попал в число счастливчиков! Во вторник улетаем спецрейсом. Правда, там, как я полагаю, посмотреть ничего не удастся. Будем порядок в столице поддерживать...

— Ну, повезло тебе, братишка! — хлопнул его по плечу Константин. — Вот там и купишь себе пиво в баночках.

— Попробую, но если не достану, к тебе обращусь, ты не против?

— Я не против, но получится ли мне ещё достать, не ручаюсь. Мы восемнадцатого едем в Ленинград, а в Москве снова будем одиннадцатого августа, когда Олимпийские игры уже закончатся и пиво всё баночное распродадут и выпьют.

Володя видел, что Константин осторожничает с Зотченко, зная, что тот работает в милиции. Впрочем, Константин не спешко раскрывал свои планы и перед ним, Исааком и Витей-Перцем.

«Наверное, правильно делает, что осторожничает...» — подумал он.

Воспоминания о вечере десятого июля 1980 года много раз потом грели душу Володи. Анализируя свою дальнейшую жизнь, он ставил черту после этого вечера. После него жизнь пошла по-другому. По-другому — не в том смысле, что судьба Володи резко менялась. Другой день, одиннадцатое июля, был логичным продолжением вчерашнего, но время как-то пошло быстрее, стремительнее стали, как показалось Володе, происходить события, и память уже не так цеплялась за них и не хранила тщательно, как прежде, отдельные эпизоды и даже дни.

На другой день они посадили на поезд Травкина. Зотченко, используя служебное удостоверение и милицейскую форму, поехал до Иркутска вместе с Толиком. Константин с Володей, проводив приятелей, вернулись на дачу, навели там порядок. После обеда и они поехали в Иркутск на электричке. В общежитии Исаака и Виктора они не застали. Друзья ещё вчера разъехались по домам. Володя собрал сумку, рассчитывая от «Баньки» отправиться на вокзал.

На этот раз в «Баньке» кофе пить им не пришлось. Володя сразу увидел Толика. Он узнал его, несмотря на то что на нём в этот раз были тёмные очки и новая цветная рубашка.

— Дело есть? — сразу спросил Толик, поздоровавшись, когда Володя подсел к нему за столик.

— Да, есть, но не у меня. У моего приятеля, — кивнул Володя в сторону барной стойки, где стоял Константин. — Я вас сейчас познакомлю и уйду, а Костя тебе всё объяснит.

— Ну ладно, поговорю с другом твоим, — согласился Толик. — Только с ходу я ничего пообещать ему не смогу. Иннокентий сейчас в отъезде. Приедет после десятого августа. Тогда и решать будем, если есть что решать.

— Хорошо, но это ты объясни ему, — сказал Володя, подзывая Константина.

Поездку в родной город, а потом в Шиткино он помнил отрывками. Помнил, как радовались подаркам мать и сестра, расспрашивая его о Москве, как он отвечал на их вопросы, радуясь вместе с ними. Как потом ехал долго на автобусе, с остановками в попутных деревнях, в Шиткино. Как не сразу

нашёл дом Юрки Матзагира, а отыскав знакомую калитку, застал только мать друга. Она сказала, что Юрка приедет в конце июля и что отпуск ему задержали.

— Зато весь август отдыхать от своего плавания по морям будет! — сказала она.

Володя оставил для неё и для друга небольшие подарки из Москвы: коробку конфет и значок с олимпийской символикой.

— Вы передайте ему, что с двенадцатого по восемнадцатое августа я, наверное, снова буду в Тайшетграде. Если у него будет время, то пусть подъедет. Он знает, где я живу, — попросил Володя мать Юрки.

— А Катя наша тоже сейчас в Иркутске, — как бы между прочим сообщила Юркина мать, прощаясь с ним, — работает в Сбербанке и учится заочно в кредитно-финансовом техникуме.

Два следующих дня Володя провёл в прогулках по городу: обходил новые и старые улицы, сходил в кино в кинотеатр «Победа». Возле дома, где он жил раньше, по улице Северо-Вокзальной, встретился с бывшим соседом — обходчиком железнодорожных путей. Сколько помнил себя Володя, этот ещё крепкий на вид человек всё время работал обходчиком: каждое утро в любую погоду он отправлялся в путь и возвращался ближе к вечеру.

— А я вас видел из вагона поезда, когда ехал в Москву, и даже помахал вам, — сообщил ему Володя. — Мы ещё за лето три раза проедем мимо вас туда и три раза обратно на иркутском поезде.

— Ну, буду знать, — сказал на это обходчик. — Теперь все поезда из Иркутска буду провожать с особым чувством. Даже если не увижу тебя, знай, что поезд поприветствовал. А утром, перед обходом, я могу подойти к вашему поезду на перроне. Расписание-то знаю. Да и на обратном пути тоже. Всегда приятно знакомого увидеть.

Около часу, наверное, просидели они с обходчиком во дворе дома, где прошли детские годы Володи. Вспомнили и отца, и деда с бабушкой.

— Какой активный твой дед был. Много чего придумывал. Везде успевал, и казалось, что сносу ему не будет, а вот смерть сына его подкосила, да и бабушку твою тоже... — говорил с грустью в голосе обходчик.

Разговор с обходчиком растеребил душу Володи, и он в тот же день сходил на городское кладбище, посетил могилы отца, деда и бабушки и, пройдя на другой конец погоста, возле самой

железной дороги хотя и не с первого раза, но нашёл могилку и дяди Игоря, не прожившего и сорока лет.

16.

«А кладбище, где лежит почти вся отцова родня, тут недалеко... — подумалось Евгению. — Сейчас заберусь на путь, а поезд вынырнет и переедет... И зарюют меня в безымянной яме, как неопознанного гражданина... Если что-то от меня там останется... И никто не узнает, где могилка моя! Но зато в одном месте с родными, на этом же кладбище, буду покоиться. Это утешает... И рядом родной город... Любимый город может спать спокойно, и видеть сны, и зеленеть среди весны...»

Он ухватился за рельс уже двумя руками и попробовал подтянуться. Голова подалась вперёд.

«Надо перебраться на ту сторону, пока правда нет никаких поездов...»

17.

Впечатления от похода на кладбище, а затем воспоминания не давали покоя Володе несколько дней. Особенно удручало место захоронения дядьки. Из-за высокой травы едва виден был покосившийся памятник с облупившейся краской. Фотографию размыло дождём.

Мать жаловалась, что у неё уже не хватает сил ухаживать за всеми могилами.

— У отца, у деда с бабушкой мы с Аней ещё управляемся. Иногда и дядя Витя на родительский день помогает, но всё равно до Игоря не всегда сил хватает дойти, — говорила она.

В предпоследний день пребывания в Тайшетграде Володя с матерью съездили в деревню, где её брат занимался огородничеством. Дядя Витя накопал им свежей скороспелой белой картошки, пока ещё не крупной, набил сумку редиской.

Мать с сестрой пошли провожать Володю на вокзал. Ожидая подхода поезда, он возле газетного киоска столкнулся с девушкой, спешившей к электричке. Молодая, симпатичная, длинноволосая, она лишь на несколько секунд приблизила своё лицо к его лицу, и Володя узнал...

Вернее, не узнал, а вспомнил, что видел эти глаза.

— Мы с вами знакомы? — успел спросить он.

— Может быть, — улыбнулась девушка и побежала дальше, на перрон.

Сомнений не было: эти глаза он видел здесь же, на вокзале, в день возвращения из армии, уже почти два года назад.

Это была она, та юная девчушка! Без сомнения, она! Он не мог обознаться! Он запомнил эти глаза и этот взгляд и был уверен, что таких глаз и такого взгляда больше не было ни у кого на планете. Это она! И она повзрослела и похорошела за эти два неполных года. Яркая синева в глазах немного загустела и сменилась на более осмысленную, но взгляд был тот же! И улыбка...

Но узнала ли его Синеглазка? Может, и не узнала, а просто улыбнулась, как улыбнулась бы любому другому парню, столкнувшемуся с ней случайно на вокзале.

Встреча с синеглазой девушкой навела его на философскую мысль о том, что он путешествует по белому свету один, без любви. В свои двадцать два он по-настоящему и не испытал непреодолимого и всё захватывающего чувства. Ему вспомнились Катя и почему-то Инесса.

«Как много девушек хороших... — пропел он про себя, и тут же поправил последнее слово: — Красивых...»

Не прошло и двух суток, как Володя снова стоял на перроне Тайшетградского вокзала, на этот раз он был проводником пассажирского поезда, следующего из Иркутска в Ленинград. Как обещал, подошёл к поезду его бывший сосед, обходчик, и, пожимая руку Володе, говорил напутственные им с Исааком слова. Володя кивал, улыбался, думая о том, что нужно бы привезти обходчику какой-нибудь сувенир из Северной столицы, а сам с надеждой поглядывал по сторонам. Конечно же, он снова очень хотел увидеть синеглазую девушку, надеясь, что она, может, снова будет здесь ждать свою электричку. И, не увидев её, загрустил. Он уже верил в то, что встречи с ней — знак судьбы, а не случайность.

Когда проезжали мимо кладбища, он высматривал из окна могилу дяди Игоря, помня, что от её оградки была видна железная дорога, но так и не определил из нескольких похожих, которая из них дядькина.

Когда смотрел на мелькающее кладбище, подумал о вечном, о судьбе, о смысле жизни, о том, что родня его по отцовой линии почти вся теперь на этом кладбище: и дед, и бабушка, и дядька, и отец. Остался только дядя Женя — далёкий и почти ему не знакомый музыкант, разъезжающий по всему миру. Он и так редко бывал в родном городе, а когда умер Игорь, он продал родительский дом. Перед отъездом дядя Женя как бы невзначай сказал

Володе, чтобы он приезжал к нему в гости в Москву, что живёт он в районе Лосинога Острова, но подробного адреса не оставил.

— А зачем ему? — сказал на это брат матери дядя Витя. — Они когда в Москву жить попадают, то сразу все из себя чуть ли не коренных москвичей строят. На нас как на людей недалёких смотрят, с родными знаться не хотят. Провинция вы, мол. Быстро забывают, откуда сами родом и где их талант раскрылся. И этот дядька твой такой же...

Володя всё ещё стоял у окна, когда поезд ворвался на станцию Бирюсинка. Он и в этот раз увидел девчонок, машущих ему с платформы. То, что они машут ему, он не сомневался. Поезд промчался мимо, и Володя видел девчонок всего лишь несколько секунд, но успел помахать им в ответ и заметить, что одна из девчонок похожа на ту, синеглазую, что он видел два дня назад.

«А может, это она? Я же хотел её видеть, мои импульсы передалась ей, и она пришла. Она же оба раза уезжала на электричке в западном направлении. Почему бы ей не жить в Бирюсинке?»

Вторую свою поездку проводником вагона пассажирского поезда он не запомнил так хорошо, как первую. За работой мелькали знакомые уже ему города и реки, но были новые: Вологда и Череповец, Шексна.

В Ленинграде им устроили небольшую пешеходную прогулку по городу. Они прошли от Московского вокзала по Невскому проспекту. Были на Аничковом мосту со скульптурной группой «Укрощение коня человеком», прошли мимо величественного Исаакиевского собора к берегу Невы, посмотрели на Петропавловскую крепость, вышли к Александрийской колонне на Дворцовой площади и вернулись назад.

Более двадцати человек во главе с Викторией-Победительницей и Тёзкой Пушкина шли, на этот раз не задавая лишних вопросов и молча слушая рассказ Виктории о скульпторах, создающих шедевры архитектуры города на Неве. Почти все студенты-проводники выглядели уставшими и уже не стремились оживлённо к покупке сувениров. Хотя сувениры и приобретали. Константин снова отпросился у Сергееча на два часа у Исаакиевского собора, успев, впрочем, подмигнуть друзьям и сказать Исааку, что собор-то назван в его честь.

Удивило Володю в Ленинграде то, что перрон, куда прибывал их поезд, был под крышей. Получалось, что поезд заходил прямо в здание вокзала.

Во время посадки пассажиров на обратный рейс Володя снова заметил, как к Константину подошли двое и передали ему несколько больших кожаных сумок.

— Да это кой-какой товар из Финляндии, — сказал друзьям Костя, на этот раз не хвастаясь и не распространяясь, что было в сумках.

По возвращении из Ленинграда студентов домой не отпустили, заставили поработать три дня в пассажирском депо на уборке территории и ещё два дня посещать теоретические занятия в группе с новым набором проводников.

Вторая поездка в Москву тоже проходила уже буднично. Они снова ехали по знакомому маршруту, и в Тайшетграде к Володе снова подошёл обходчик. Володя, пожимая ему руку, подарил бывшему соседу подстаканник с изображением крейсера «Аврора». Старик растрогался едва ли не до слёз и, горячо обнимая Володю, сказал, что если Володе что-то нужно передать матери, он может рассчитывать на него. Он обязательно найдёт её и передаст. Володя поблагодарил его в свою очередь и сказал, что пока не нужно, что он сам приедет на пару дней в конце августа.

В Москве на этот раз Сергеич с Викторией разрешили выйти в город не всем. Нужно было кому-то остаться и готовить вагоны в обратный рейс. Володя с Константином решили остаться, отпустив Исаака и Витю-Перца на ВДНХ.

Эта поездка запомнилась ещё и тем, что в вагон к Константину и Виктору села Инесса. Она возвращалась домой из Москвы. Инесса рассказывала им про Олимпийские игры, про то, где и на каких соревнованиях ей и Сергею Иннокентьевичу, задержавшемуся в столице, удалось побывать. Она и сообщила друзьям, что двадцать пятого июля умер актёр Владимир Высоцкий.

— Мы пробовали пробиться к его дому двадцать восьмого июля, в день похорон, но там было столько народу и милиции... — рассказывала Инесса. — Так что смотрели издали. Его похоронили на Ваганьковском кладбище.

Известие о смерти знаменитого тёзки Володя принял тяжело. Ему сразу же вспомнился фильм «Служили два товарища», в котором он впервые увидел и запомнил Высоцкого, потому что лицом он напомнил ему его одноклассника Сашку Чугунова. Вспомнился и фильм «Хозяин тайги», и, конечно же, недавно вышедший — «Место встречи изменить нельзя». Песня про друга, не вернувшегося из боя, весь вечер звучала в его ушах.

Две ночи, когда Володя дежурил, к нему приходил Константин, то ли шутя, то ли всерьёз сетуя, что у Вити-Перца любовь с Инессой и они вдвоём дежурят ночами, а он не может на почве этого спать ни днём, ни ночью.

Володя и сам видел, что Витя ни на шаг не отходит от ставшей ещё прекраснее Инессы. Они вместе встречали и провожали пассажиров, ходили обедать в вагон-ресторан.

В Иркутске Константину снова пришлось выручать приятеля и одному сдавать вагон другой смене. Витяня с перрона поехал провожать Инессу.

В последнюю поездку и Володя с Константином побывали на ВДНХ, сфотографировались у скульптуры рабочего и колхозницы.

Двадцать восьмого августа Володя приехал в Тайшетград с новыми подарками. У матери был день рождения, и этот день он провёл дома. А на следующий день к нему заявился Юрка Матзагир, собирающийся по пути во Владивосток заехать в Иркутск. С ним они и поехали до Иркутска, и там, наконец, осуществилась мечта Зотченко: всем вместе сходить в ресторан.

Тридцатого августа, в субботу, они встретились у ресторана «Ангара»: Володя, Константин, Витя-Перец, Исаак, Матзагир, Дамир, Зотченко, Толик Травкин.

Никогда больше они не собирались в таком составе, и этот день и этот вечер тоже стали одними из самых памятных для Володи.

18.

От воспоминания перехватило дыхание.

«Зот тогда рассказывал, как он был на Олимпиаде, стоял в оцеплении и всё-таки достал баночного пива. Травкин говорил о своих охотоведческих делах, а Дамир предлагал завтра поехать всем в Листвянку...»

Евгений почувствовал, как по щеке катится слеза.

В Листвянку они не поехали. На другой день у каждого нашлись свои дела. Но зато как хорошо было им тогда, в субботу, тридцатого августа 1980 года. Они пили коньяк, закусывали сагудаем и котлетами по-киевски, танцевали, приглашая девушек, сидевших группой через два стола от них, — то ли студенток, то ли туристок, приехавших на Байкал. Витя-Перец то и дело оглядывался. Он ждал Инессу. Но она тогда не пришла...

«Надо перебираться на ту сторону», — решил он и сделал попытку подтянуть к рельсу грудь...